

МАРИНА ЭСКИНА

КРАДЕНый ВОЗДУХ

МАРИНА ЭСКИНА

КРАДЕННЫЙ ВОЗДУХ

Стихи 2014–2016 годов

БОСТОН • 2017 • BOSTON

Марина Эскина Краденый воздух
Стихи 2014–2016 годов

Marina Eskina The Stolen Air (Kradenyi Vozdukh)
Poetry 2014–2016

В четвертую книгу Марины Эскиной вошли новые стихи
и переводы из американской поэтессы Элизабет Бишоп

Copyright © 2017 by Marina Eskina

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1940220642

Library of Congress Control Number: 2017909702

Layout / Макет: M•Graphics Publishing © 2017

Cover Design / Обложка: Н. Коэн © 2017

Text images / Рисунки в тексте: © Jo Newsham

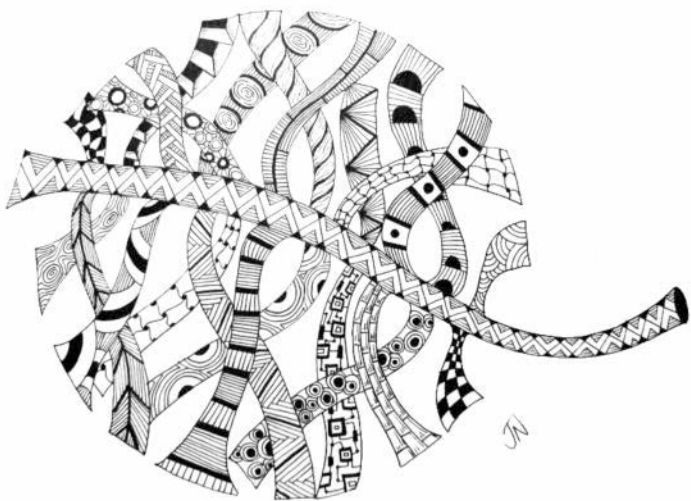
Published by M•Graphics, Boston, MA

☐ www.mgraphics-publishing.com

✉ info@mgraphics-publishing.com
mgraphics.books@gmail.com

Printed in the United States of America

ДО ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

* * *

Нам терпенья не занимать — попутного слова ждать,
Облако ли ангел, мы его — хватать,
загоним в строку, пусть лежит на боку,
если не служит Богу,
белоручка и так балдел, болтался без дел,
зачем-то в подсознание залетел,
неприкаянный ангел сей, ангел молочных рек, киселей,
просроченных векселей,
незрелых плодов из побитых садов,
ангел лишних слов.
Ладно, лети себе мимо, вестимо,
подождём серафима
шестикрылого, нам подавай — лгунам,
пересмешникам, горюнам —
жечь глаголом, углём гореть,
видеть, слышать, дышать, терпеть,
гнать, зависеть, не умереть.

* * *

Кому от огня, кому от меча, кому от воды,
От болезни, мора, голода-лебеды...
Если мне вдруг суждено избежать беды,

Что я буду делать с этим небом-травой,
С утраченным временем, с больной головой,
С тем, что пропало и не вернуть, хоть вой,

С тем, что каждый день клянусь изменить,
Но не меняю, а продолжаю жить,
Испытывая на прочность нить.

Не выходя из себя, вернусь к себе,
Посмотрю, может быть, сидит на трубе
Кто-нибудь между А и Б.

* * *

Повезло тебе, повезло: ещё, может быть, лет пять
Будут лебеди прилетать на пруд, нырки нырять,
Будешь адрес искать, нащупывать телефон,
Не пытаясь пройти сквозь времени круговой кордон,
Не тревожа память, сны, фрейдистский весь аппарат.
Понемногу начнёт редеть пантеон, парад
Мгновений, выхваченных у судьбы, выпрошенных у Него,
Когда сердце ноет — люблю и знает — кого.
Когда небо в мелких перистых или совсем без них,
Когда в редких соснах на дюнах ветер притих,
Когда солнце низко, и, дыхание задержав,
Улететь готова, но медлит лететь душа.

САМОЛЁТНОЕ

1

Я опять на твоей ладони,
как в гнезде на высокой кроне,
как принцесса на троне,

поднимаешь меня до сини,
даёшь мне слова и силы,
велишь поступать красиво,

опускаешь на землю тихо,
сквозь облако, легче пуха,
а в глазах моих — сухо,

благослови ещё на слёзы,
камень дроби жарой, морозом,
выжми немного прозы.

2

Всё в самолёте о себе расскажешь
чужому терпеливому соседу,
а он — тебе, и ты на свадьбе спляшешь
и похоронишь с пятницы по среду,
но в Хельсинки пропустишь пересадку
и у отеля, разминая ноги,
засмотришься на белый снег несладкий
и на ворон, кричащих у дороги.
Пейзаж подстать обеденной клеёнке,
но и за ним, сквозь времени коросту,
шар ГДРовский горит на ёлке,
а солнце — над заснеженным погостом.

У ЗАЛИВА

Воспоминанья обмелели,
Но есть и повод быть счастливой:
Ворона ветхая на ели
И взмахи чаек над заливом;
Почти банальная свобода,
Вне времени, тем паче — года,
Та, для которой нет закона,
Молчит в тумане законном,
Где дюны окликают дюны,
И ветру вечно вторит ветер,
В забвеньи правды гамаюнной,
В презрении к минутной смерти.

* * *

*памяти пионерской дружины №429 г. Ленинграда
имени пограничника А. Д. Гарькавого*

Рассчитайся на первый-второй,
первый — в строй, а второй — в перегной,
первый — к брусьям, второй — на ковёр,
холодок по спине до сих пор,

первый с вилами, с дулом второй,
это двор, увлечённый игрой,
не казак, не разбойник — стратег,
я в плену и готовлю побег,

синегубого детства настой
заедаю сухой немотой,
соловей наш, разбойник, — жесток,
голубой хула-хуп мой шесток,

не ходите в разведку со мной,
пытки мне не стерпеть ни одной,
и, принять не готова позор,
я во сне не спускаюсь во двор.

Пограничник Гарькавый, прощай,
на заставе цветёт Иван-чай,
до свидания, город-герой,
отпустил меня первый-второй.

* * *

*Течет вода Кубань-реки
куда велят большевики.**

День распрямляет листьям складки,
Пыльцой и запахом дурманя,
Ночами воздух тёплый, сладкий
И мутный, точно чай в стакане.
Плацкарта, поезд краснодарский,
Большевики с Кубань-рекою,
Сменяется плакат фиглярский
Летучих облаков грядою,
И ложечка от-стукивает
Дорожный марш поверх известий,
К платформе поезд прибывает,
А память топчется на месте.
О, сарафанная эклога,
Чьи это стриженные дети,
Как муравьиная дорога,
Теряются в тысячелетьи.

* плакат над железнодорожным полотном, виденный автором
в 1980 году.

* * *

Пахнет солнцем
или высохшим на солнце бельём,
или чем-то ещё, что поросло бельём,
мы принимаем это за счастье,
но, вопреки подсказке мифологемной,
счастье — пахнет
счастьем и сгорает мгновенно,
обжигая лёгкие, язык, роговицу,
оно просто не может длиться.

Никто и не обещал нам счастья;
не зная чего мы ищем,
переносим его на детей и пищу,
на балет, на — с придыханием — собаку с кошкой,
но всегда там есть пресловутого дёгтя ложка,
это в лучшем случае, а чаще,
чем слаще заменители,
тем дальше счастье.

Бог не строг и, когда ожоги позаживали,
он подмешивает к ложке дёгтя
слова, детали,
формулы, форумы, кому — римский,
кому — всемирный,
конкурсы на «тоску по родине», ещё кумирни,
но, кому повезёт — шутка звучит нелепо —
он даёт сохранить, до поры, горсть золы и пепла.

ДО ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Вдоль реки По прохаживаются голуби,
в реке — утки, в кустах поют соловьи,
и легко можно представить себя голыми,
до грехопадения, до первой любви.
В городе Турине всё немного ненастоящее
из-за своей монументальности,
даже река По лежит, как мёртвая ящерица,
не отражает небо и не блестит.
До первой любви не было ничего сложного,
всё уже создано, названо, как по маслу шло,
и вдруг эта любовь карты спутала и продолжила
жизнь, перемешав, между делом, добро и зло.

* * *

В голове мигрени бой набатный,
бреду родственник, почти что брат, но
злой и утомительно бесплодный.
Одурев, пол дня хожу в исподнем,
равнодушно представляя то, что
радовать должно, а нынче — тошно.
Бессловесно опускаю руки,
страусиной головой в фейсбуке,
воробьиным сердцем в тесной стае,
а душа, как девка отпускная,
обо мне и думать позабыла,
не оставив ни щита, ни тыла.
К вечеру, проигрывая битву,
машинальную творю молитву.
Стыд и страх, тем более, что где-то
ждут и не оставят без ответа.

* * *

Так и пребуду собирателем крох,
думая что божественные, когда
точно знала бы, не нагнулась лишний раз, а трёх-
разовое питание маном — чем не страда;
падают жёлуди, гуси в зацветшем пруду
славно живут, полюбили зелёный компот,
как тут не радоваться, хоть и несёшь ерунду,
вот у воробышков — третий за лето приплод.
Жарким ли шёпотом, или дежурным кивком:
физкульт-привет тебе, душноватый июль.
Сколько осталось (в зобу благодарности ком)
— строгих не спросишь, неторопливых бабуль,
им-то что — прядут разговор, тянется нить...
Скачет воробышек, крошки клюёт для ребят,
небо за тучами, синего хочется, хочется пить,
выпью воды, а в зените цикады звенят.

* * *

Утро в сентябре холодное с непривычки
После жаркого лета, но, как костёр от спички,
Разгорается солнце, и уже скучаем по тучке.

Ястреб кружится над гнездом опустевшим,
Над забывшей дымить трубой, которой украшен здешний
Пригородный пейзаж — это его издержки.

Отговорил фейсбук о путче и героизме,
Дальше катится колесо, и в осенней призме
Те же сверкают, преломляются и дробятся жизни.

Стоит остановиться думать о Боге —
Он покидает нас посреди дороги
В прямом и в переносном смысле, щадя немногих.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ 62-ГО ПСАЛМА

Любишь ли ты человечество так, как люблю его я —
не очень? Даже сбившееся гуртом, оно ничего не весит;
завалилось, как трухлявая изгородь, в тупике,
как заросшая колея;
воздух весомее, или что там гоняет по миру вести.
Думают скверно, что ни слово, то — ложь.
Училка Валентина Яковлевна и директор Антон Петрович
коварнее Дарт Вейдера, им вынь да положь,
линейкой бьют по рукам за дорогу, уходящую в даль,
и «Остров сокровищ».
Не разобрав, где сила, где милость, всегда в борьбе,
человечество поклоняется филантропии, войне, геному.
Благослови меня одной любовью — к тебе,
глядишь, научусь из неё всему остальному.

СОИ РАЗУМА

СОН РАЗУМА

Чудовищное загоняет рассудок в сон,
наконец, в душной парадной или в сортире,
мозг отключается, свернув извилины; потрясён,
измучен выбором новостей в эфире,
разум заходит за разум. За разом раз
всё меньше логики, всё больше пыла,
пены у рта, солёных искр из глаз;
ближе стена, тоньше полоска тыла.
Сон разума в конечном счёте неотвратим,
в школе теней такого не проходили,
там вытачивали на станке буратин,
тапочки носили, передники. Тили-тили...
Сначала снится Черчилль со своим «никогда,
никогда не отступай», вдогонку — Троцкий
с ледорубом в башке и прочая ерунда
из арсенала накурившегося подростка,
потом снится Пушкин, ай да сукин сын,
потом Таня или Сурен из второго класса
«Б», очищенный апельсин,
хурма, завёрнутая в газету, сырое мясо,
очередь за картошкой, рыжий любимый кот,
выпавший из окна в погоне за птицей,
чёрный синяк бедняги на весь живот,
радость что выжил, потом ничего не снится.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Жёлуди кофейной спелости
Падают и разбиваются,
Те, в ком не хватает смелости,
Спят себе, не просыпаются.
Этот суд — такой ли страшный суд,
И маячит где-то вдалеке,
Здесь без нас всё славно утрясут,
Бре-ке-ке.
Лето выдалось дождливое,
Осень заласкала красками,
Чудо-персиками, сливами,
Впереди зима с салазками,
А потом весна-певичка прилетит
Строить гнёзда у пруда и на реке,
И проснётся новый аппетит...
Бре-ке-ке.

ИЗ ПИСЕМ ОТТУДА

1

Не чувствую, что старею,
просто мое цветение,
как шарики лука-пороя,
не вызывает мощного умиления.
Да, пропадают слова,
которые не нужны мне больше,
но чётко работает голова
и совсем не мучает прошлое.
В коре и в подкорке — порядок,
планов — жизни не хватит млечной.
В памяти, кроме родильных схваток,
Рим, Иерусалим и капелла Медичи,
ни следа отчизны, зато — родные души,
и всегда река, почему-то разлившаяся в протрации.
Слов не говори и меня не слушай,
это не упрёк, а полезная информация.

2

Волна, волна
перехлестывает через волнолом ключицы,
вы у меня одна,
если что случится.
Одна, одна,
остались от гордости, смелости —
кокетство и горечь милости.
Перестаю быть собой.
В трубке капризная тишина,
отбой.
Связи нет в обрывающихся рассказах,
пахнет гнилью воды в щербатых вазах,
неухоженной старостью, страхом,
цветочным прахом,
шоколадом, ванилью,
книжной пылью,
чем-то еще забытым.
Кот умывается деловито,
то ли к гостям,
то ли к бесконечно
повторяющимся по телевизору
новостям.

3

Свет мой, зеркальце в ванной,
не говори ничего.
Халат свой рваный,
грицацувские усики над губой
вижу сама, мне с тобой
некогда разбираться —
милее, краше...
Вот, очки не надела,
и суд не страшен.
Брось стараться,
лесть не знает предела.
Лучше давай, хоть я и трушу,
поверни глаза мне зрачками в душу,
а я на тебя платок наброшу.

4

Днем и ночью тку, распускаю,
пряду,
и жду, и жду, Одиссей,
в бреду забыла где ты, черты,
сама стала черна
лицом, слышу бьёт волна
в берег, над ним луна
поднялась,
как безумный глаз,
и слепит зрачок.
Видит меня, тебя,
но — молчок,
я не спрашиваю,
чтобы не попасть на крючок
надежды.
Слепые кроты, невежды,
коты похотливые — женихи
глухи, как тетерева,
шелушат слова и разносят слухи.
Я непослушно распускаю,
тку и пряду,
много ненужной возни,
душно,
колет веретено, говорит: «Усни,
а то — полезай в петлю»,
но я не сплю.

5

Жарковато сегодня для первого мартабря,
поставим на тридцать второе остатки свободы,
смотри, как мормышка играет, и мелкая рябь
заманивает в облаков подсинённые воды,
где чисто, светло и, наверное, неглубоко —
по грудь, но скорей, по колено.
Стоять бы там с удочкой, радовать местный Рыбком
и всех наградить поименно.
Расследовать тяжбу кота с бедолагой стрижом,
кричат, что крылатые оба, но и ветерок —
себе на уме, мечом не разрубишь. Ножом
не разрежешь. Отправить его на восток.
Дел — уйма; закончить, пока не вернулась луна-
хозяйка с повесткой оттуда, что срок
аренды истёк, и наша обитель должна
опустеть, и пора нам дырявый носок
заштопать. Ведь было потеряно лет
сквозь дыры немерено, только об этом
не стоит жалеть, давно недолёт-перелёт
задуман усталым поэтом.

ПАДЧЕРИЦА

Я по лесенке приставной...

О. Манделъштам

В воду гляжу или облако
глажу заученно по боку,
мне объявляют рифмованно:
воинство расформировано
трендами, блогами, троллями;
ходим по тропам с паролями,
— стой, кто идёт, отвечай!
мне отвечают — макс фрай!
Наговорила с три короба,
падчерица Кьеркегорова,
Гоголя, Гегеля, Бубера
мамардашвилить сугубило...
Пост оставляю и крышами
с кошками чёрными, рыжими,
а уж потом налегке
по приставной лесенке.

* * *

На мичуринской яблоне росла дичком,
на ливанском кедре — сосновой шишкой,
и лежать бы мне под деревом молчок-молчком,
да тянулся закон за корявым дышлом.

На три такта вдыхаю, выдыхаю — чуть,
не учу, не лечу, не пашу, не сею,
за скворцов и зябликов поручусь,
а сама и свистнуть-то не умею.

Но сильнее меня оказался зов,
соль призыванья, подмигиванье удела,
под цветущей липой хватило слов,
и душисто скамья прилипает к телу.

* * *

Нет, не может человек жить в раю,
обжигает свет его и слепит,
и плода попробовать не дают
с древа Добра и Зла.

Общепит
предлагают; как назло, и сон нейдёт,
и невинность тяжелее иных грехов.
Никаких не надо ему щедрот,
беспокойство зудит и не до стихов.
Вот вчера ещё мирно именовал
всё живое, дружбу принимал и совет,
а сегодня — горечь, разрыв, обвал,
ни помощника, ни друга нет.
Да, жена, муж, конечно, кость и плоть,
но и — змий, сомнение, ночь, обман.
Так ли нас задумывал ты, Господь?
Рай был пересыльный пункт? В этом план?
Как же воля, свобода, подобие, образ, дух?
Оступиться и, падая, вдруг взлететь,
то ли ангел, то ли птица, то ли тополиный пух.
И того и этого на горсть, на сухую треть.

ЭЛИЗАБЕТ БИШОП**Спать на потолке**

Там, на потолке, так уютно!
Там — Площадь Согласия.*
Не горит хрустальная люстра,
темно, и фонтан не шуршит.
И в парке нет ни души.

Ниже, где отстают, обвисая, обои,
Ботанический Сад запирает двери.
Там фотографии в рамках — звери.
Цветы могучи, но листья зашелестели;
под ними насекомые роют туннели.

Мы под обои должны забраться,
насекомое-гладиатора встретить
с трезубцем и сетью, с боем,
потом покинуть фонтан и площадь.
Нет бы спать там, наверху, подольше...

* Площадь Согласия, Ботанический Сад (*Place de la Concorde, Jardine des Plantes*) — отсылают к Парижу.

ЭЛИЗАБЕТ БИШОП**В дом прокралась луна...**

Вот и конец света
не страшней чем фантастика
когда и так всё сделано из пластика
мы спали и спали
хотя уже кончилось действие таблеток
а реки огромными каплями
стекали в пересохшие каньоны морей
солнце бледное как луна становилось
еще бледней
но мы могли видеть, видели —
было дивно, прелестно и
расслабленно
никто не рвался что-нибудь делать,
даже детишки
нам снились спящие вдоль тротуаров
машины, никто никуда не уходил
все были дома и сначала держались за руки,
потом перестали держаться за руки —
миру мир то чего мы всегда
так желали —
вселенная поникла, как увядающая фиалка,
умирая повернулась на бочок,
свернулась калачиком и, нет, не засмердела,
но протяжно и с облегчением вздохнула,
сладко вздохнула —

ТРАМВАЙ «ЖЕЛАНИЕ»*

Немыслимый тростник,
не мыслящий, но крепкий
камыш тряхнёт тяжёлой головой,
и птицы вылетят, и терпкой,
тревожной трелью отзовется боль,
трамвай «желание» — невольный перевод,
есть — жажда, страсть и вожделье,
шумит камыш, и камышовый кот
промахивается;

 без промедленья
жизнь сходит с рельс, летит без тормозов,
сбивает локти в кровь и, гибели не веря,
как мы, цепляется за сказочный узор
иллюзии, за выцветшие перья.

* Русское название пьесы Тенесси Уильямса «The Street Car Named Desire».

* * *

В наших спорах давно не рождалось истин,
наоборот, всё, что истинно, то — бесспорно,
не отмоешь чёрного кобеля, зря мы чистим
пёрышки. *Палисандрия* просто порно?
В августе звёзды сыплются, а ещё Венера
смотрит в лицо Юпитеру и, не выдержав взгляда,
падает навзничь за горизонт. Для юного пионера —
неожиданность, но командир отряда,
ловкий, находчивый, выбежит на поляну
остановить мгновение, даром что ли прекрасно.
Жизнь на Марсе, возможно, есть, но я не стану
ждать доказательств, и так всё ясно.

ЦЕНТОН

Выпей чаю от печали,
скушай персик от тоски,
по одежке привечают,
провожают до доски.

Как художник, мелкий дождик,
меткие кладёт мазки,
но колеблют твой треножник,
пачкают тебе мозги.

Всё, что было сердцу мило,
всё в тебе, а не вовне.
Помнишь: очередь за мылом,
мене текел — на стене.

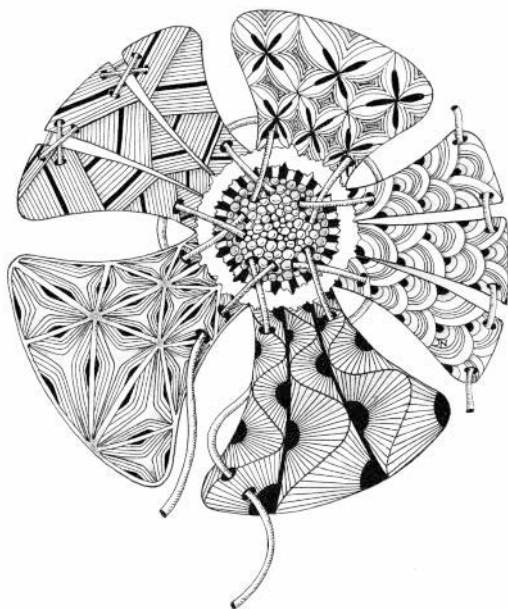
Хочешь, вольный житель мира,
звуки гнать из рода в род,
но прославленного пира
в рот не лезет бутерброд?

Ждёт тебя твоя берёза
у помойки во дворе,
или это рифма «роза»,
соль звезды на топоре.

* * *

Годами не видеться, не слышать голос, но враз
узнать его на первой счастливой ноте,
и по долгой паузе между звонком и фразой
не обязательной: как живёте?
Вы или ты — за горизонтом лет
грань расплывается близоруко,
притворюсь, что не знаю как щемит
ожидания скупая мука.

В ПОИСКАХ ПШЕНА ЗОЛОТОГО

* * *

Дерево раскрывает большие розовые цветы,
в каждом живёт фея — уверяет дитя упорно,
не отворачивайся от простоты красоты,
феи чистят зубы, спать ложатся, ходят в уборную,
их какашки потом удобряют клумбу внизу, —
дитя рассказывает, я смеюсь, но верю, смеюсь и верю.
Мы стоим, взявшись за руки, смотрим, и я грызу
заусенец, как в том, заросшем сиренью, сквере.
Сколько солнца, мы залиты им, согреты, облучены,
говорим на языке фей, родственников кролика, воробьёв,
напитываясь любовью до последней излучины,
целуя друг другу ладони, когда не хватает слов.

ПИЗА. CAMPOSANTO*

Camposanto горит не в лучах заката, не в пламени ада,
вековые сны прервала бомба, граната,
и давно умершим пришлось воскреснуть и умереть обратно.

Мраморные оборки треченто, римские саркофаги,
memento mori на каждом шагу, но лица полны отваги
или задумчивости, руины — неотъемлемая часть саги.

Розы, трава, плиты, полустёршиеся фрески, что это значит?
Кто крепил стропила, поднимал ворота, решал задачи?
Каменотёсы-пизанцы, плотники, молодые Галилео и Фибоначчи?

* *Camposanto* — некрополь, входящий в знаменитый архитектурный ансамбль в Пизе. Был разбомблен во время Второй Мировой Войны.

ЛУККА*

1. Сентябрь

Счастлива ли? Сейчаслива. Сегодня мой день,
перламутровый, как спелая слива.
Пасмурно, только эти холмы во что ни одень,
по меньшей мере, будет тебе красиво.

Школьники высыпали на перемену, ещё трава
зелена, как ставни окрестных домов и двери,
никто не жалуется, что всему виной татарва,
по привычке мраморные друг друга пугают звери,

серп-молот и свастика дружно живут на стене,
целясь в капитализм, демократию и евреев,
стены регулярно подкрашивают, но в цене
Виктор Эммануил Второй упадет скорее.

Вот он — добротный памятник, в лентах и орденах,
с ментиком на плечах, при шпаге, с большими
ляжками (правда не колет глаза) — не за страх
а за совесть бился король, когда Италию шили.

Здесь по утрам поют или кричат на
сладостном языке, вульгарной своей латыни,
то и другое — страсть, но до чего печатна,
лукава и горяча, Боккаччо и Пазолини.

* Лукка (Лусса) — старинный город в Тоскане, Италия.

2. Июнь

Видела утром Вечность на городском променаде в бархатной куртке с отвёрнутыми рукавами, в клетчатом кепи, в безупречной рубахе. Сзади шкандыбала Смерть, на два шага отставая, обтянутая футболкой крашеная блондинка с наколкой Versaci и отключенной попой. Выглядело всё это трогательно и дико, было пошла за ними, да нарываться глупо. Интересно, сколько они кругов сегодня запланировали? Я — два, но второй не пройден. Пока от няньки-сиделки-сводни свободна, принимаю незаслуженный день как орден.

3. Ilaria del Carretto*

Илария снежно-прекрасна и молчалива,
смерть уложила её спать торопливо, —
после вторых родов, двадцати шести лет — скупю...
Муж потом повелел, и скульптор Джакопо
Квэрчиа сделал её принцессой в царстве мёртвых.
Ходят к ней принцы, но больше — калачей тёртых,
которые не будят её, зато просыпаются сами,
видят женщин своих другими глазами,
возвращаются к ним без тоски, с любовью,
отдавая честно силу свою воловью.
И хотя им в объятых потно, душно и тесно,
смерть над ними в эти часы не властна.

* Ilaria del Carretto (1379–1405) — жена правителя Лукки, Паоло Гвиничи.

4. Облака

Облакам известно, что здесь каждый — охотник,
каждый охотник желает,

желает знать

где, например, солнце зайдёт сегодня
и какая его наблюдать соберётся знать,
где сядет фазан, где его подруга,
будет ли петь им дуэт соловьиный,
тенор и колоратура n-ного круга,
но — молодые, милые, o sole mio!

Облака горят, расплзаются, улетают,
мы следим за ними с тупым усердьем,
времени хрупкого, перебитого не хватает,
поздно будет, когда мы поймём, кого мы сердим.

* * *

Прикипела к маленькому городку с тысячелетним прошлым,
с будущим спящей красавицы на персональной пенсии;
судьба милосердно избавляет от страстей сполошных,
новых и старых любовей, но ещё позволяет петь песни.
Здесь все империи далеки и потусторонни,
в одной, диктатор — ничтожен даже в масштабах мнительности и
скуки,
в другой, республиканцы, как, впрочем, и демократы — суки,
историческая родина обе империи похоронит.
Кажется, что мне Лукка, где считают: у евреев свинья —
священное животное, раз нам запрещена свинина,
где покупают дешёвые тряпки у вьетнамских крестьян,
где русская речь от польской и украинской неотделима.
Но холмы помнят волов, запряжённых в телегу попарно,
облака помнят дивного правителя Каструччио Кастракани,
а местные жители чтут Элизу, сестру Бонапарта,
подарившую им бульвар на крепостной стене и туристов толику
тараканью.

* * *

Липовый цвет превратился в тугую завязь,
цикады заглушают птиц на середине трели,
думать жарко, но оказалось —
можно тихо дышать и верить,
что будет ответ.

Не может не быть ответа,
если с работы слинять, с классов и семинаров.
Ведь поражение, ака* победа,
не коррелирует с обилием канцтоваров.
Четыре километра бульвара без телефона —
залог приличной слышимости и узнавания,
они превратят в пророка любого профана,
которому не назначают слова свиданья.

* ака — сокращённое от «also known as», «ещё известное как».

* * *

В Лукке осенний день то пасынок, то любимый сын,
тучи поднимутся, выйдет солнце или дождь зарядит?
Кислое ли яблочко, золотой апельсин
теперь одинаково раззадоривают аппетит.
Терраса увита зеленью, за стеной городская тюрьма.
Там, в окнах под крышей, на решётках сохнут трусы,
на стене — будки без часовых, да и стена сама
не высока и колючей проволокой не грозит.
Через два дома — больничка, выбеленная, как простыня.
Святая Зита пытается страждущих здесь согреть.
За больницей — фонтан, палаццо, соборной площади беготня,
самое время выбирать: жить или сметь.
Всюду краденый воздух: в лёгких, в строке, в судьбе.
Ветер перехватывает дыхание, выгибает зонт.
Сын я или пасынок — скажут мне на суде,
а пока — спасибо за углерод, кислород, азот.

* * *

Никто не вернулся, а кто и вернулись — молчат:
у Лазаря нет мемуаров, и только на фреске
заметно, как тяжело воскреснуть, как сжатые веки дрожат,
и эта могильная бледность.

Закатная рана смертельна, день точно умрёт,
а нежные послезакатные тени венчает молчанье.
Надежда, когда продежурит всю ночь напролёт,
со страхом и музой воскресшее солнце встречает.

* * *

В паутине зимнего тумана
дождь застрял ночной.
Вечер, утро? Поздно или рано?
День — глухонемой
или притворяется и тихо
дышит, отгоняя тьму?
День декабрьский, поздний, стихо-
творный, покорюсь ему,
пробиваясь к свету, раздвигая
сгустки сумерек, пока
не блеснёт, резвяся и играя,
первая строка
молнией,
иначе сквозь ресницы
голых веток взгляду не пробиться.

ЭЛИЗАБЕТ БИШОП**Лету снится**

Не всякое судно рискнёт
к шаткому пирсу причалить.
Население скромное: карлица,
два великана, один идиот,

вечно спящий за стойкой
мирный трактирщик
и хозяйка гостиницы.
Карлица — её белошвейка.

Идиота можно занять от скуки
сбором ежевики на выброс;
ухмыляется замухрышка —
мастерица на все руки.

Возле моря, которое разлилось
голубой макрелью,
наш пансион линияльй,
будто от вечных слёз.

Герани, огромны и фатоваты,
сгрудились в окнах,
и на мокрых полах искрятся
линолеумные заплаты.

Каждую ночь мы ждали,
когда заухает филин.
Рогатые блики лампы
на обоях дрожали.

Великан, тот что — заика,
был сыном хозяйки,
с грамматикой старинной
на лестнице горе мыкал.

Был он всегда угрюм,
зато она — весела.
Пуховая постель была кстати,
в спальне холодной, как трюм.

Нас будил затемно
торопящийся к морю
ручей-сомнамбула,
что-то говорящий во сне.

* * *

На той стороне улицы все спят или делают вид,
 есть, правда, пара окон с притаившимся светом.
 Хорошо бы выйти, пройтись.

У меня неликвид
 времени и дефицит одновременно,

в этом

признаваться стыдно и некому.

Однако, нещадно льёт, ветер ломает и швыряет ветки.

Если плотно закрыть глаза, то под веками —
 пустота или что-то вроде решётки,

сетки

для проверки зрения,

но в ней небогатый улов,

— ау, золотая рыбка-волшебная клемма,
 раздобудь мне послушных, неглубоких снов,
 без обманчивых пробуждений, —

проблема

в том, что, стоя в тёмной комнате у окна,
 когда уже не читаешь,

не слушаешь записи Рихтера или Юдиной,
 всю темноту приходится выпивать до дна.

И что потом делать с пустой от неё посудиною?

* * *

Прости мне пафос и молчанье,
Моя обетованная,
И глухоту существованья,
И жертвоприключения.

Прохлопала свои утраты,
Так простодушно проглядела,
Теперь, как дочери Цлофхада,
Прошу удела.

Пока читаю по слогам:
Ясе шалом, шалом алейну,*
Опору дай моим ногам,
Сердцу — смиренье.

* «Да принесет Он мир, мир нам всем» (иврит) —из ежедневной молитвы.

ВОСЬМИСТИШИЯ

1

Так ли ты любишь, как раньше любила,
да или нет? Отвечай односложно.
Неутолимо и неколебимо,
бездной рассудка, до страха и дрожи?

Так или нет? И смотреть не поможет
в зеркало, в землю, в зенит непогожий.
Так — значит слишком жила осторожно,
нет — значит дальше и жить невозможно.

2

Как черепаха, шею вытянув,
ловлю рассыпчатость лучей,
затопанной травы событие —
воспрянуть изо всех щелей,

а горлу прохрипеть разбуженно,
не различая даль и близь:
«Что суждено, хоть не заслужено, —
вернись!»

3

Расплачемся над молодой травой,
над подорожником новорождённым,
над завитком его солёным,
над вечностью своей скупой.
Приноровимся вроде умирать,
считать по осени, недосчитаться.
А сами — в лес, с кукушкой куковать,
не слушать, а соревноваться.

4

В придорожной траве всё цветёт:
стойкий жёлтый — всех форм и оттенков,
вьюн-горошек, ромашечий сброд,
клевер освобождён из застенков,
приготовился брызнуть репей,
синим глазом мигает цикорий,
нет ни птиц, ни людей, ни зверей —
третий день, и Всевышний доволен.

5

Ты ж моя, ты ж моя, перепёлочка...

Белорусская народная песня

Полетишь к нему навстречу —
перепуганная сначала высотой птичьей,
никем не замеченная —
перепёлочка моя, невеличка,
когда вылупишься,
наконец,
чуть окрепнешь, как всегда не готовая,
душа моя — вечно голодный птенец,
в поисках пшена золотого.

2014–1015

**БЛАГОДАРЮ ЗА
ПРИКОСНОВЕНИЕ**

* * *

Всё о смерти, о смерти... напишу о душе,
она становится строптивее и капризней:
отвернёшься, поленишься — тут же укол, туше,
поднимает шум, покруче семейной жизни.
Дни в ноябре — короткие и не светом светлы,
а первым слоем морозящего перламутра,
темнота разглядывает праздничные столы,
только по ним и отличает вечер от утра.
Душа постанывает, у неё невроз, гепатит
С, артрит и обострённое чувство долга;
она, как замерзающий пруд, норовит
сохранить для птиц полынью, хотя бы и ненадолго.

* * *

Недолго tet-a-tet луны и солнца
послеполуденный продлится,
за ним весна
и пицца
— на улице, на лавке, где придётся.
Смотри, как звёздно-полосатый рвётся
с флагштока — присоединиться
к последним выкрутасам
ветхих листьев,
к птицам,
туда, где облака неспешным брассом
плывут,
и тень нерасторопная ложится
на бьющуюся под рукой страницу.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Дождь строчит свою сонату,
Или это — аты-баты...
Марш разлуки, всхлип случайный,
приглушённый обещаньем
обязательно вернуться,
с беглой смертью разминуться.

Или мы рождение света
слышим, хлещут воды лета.
Ни прелюдий, ни мелодий,
только родов многоводье,
и расстелены озёра
в ожиданьи новосёла.

ЭЛИЗАБЕТ БИШОП**Письмо в Нью – Йорк***Луизе Крейн*

Хочется знать, напиши непременно,
что ты делаешь, где бываешь,
как нынче пьесы, и после премьер
чем ты ещё себя развлекаешь.

Ездишь, наверное, ночью в такси,
парк объезжаешь круг за кругом,
как будто можно душу спасти,
а счетчик-сова усталился недругом,

и деревья призрачно зелёны,
одинокое стоящие в темных гротах.
А ты словно свалилась с луны,
и смысла нет в анекдотах,

которые не разобрать со слуха,
как стертую с доски скабрёзность,
где-то песни орут, но глухо,
и становится жутко поздно.

И выходя на мокрый асфальт,
видишь, что, вздымаясь, искрится
под восходящим солнцем фасад,
сверкающий, как поле пшеницы,

которую не ты сеяла и не тебе жать,
пшеницу, а не овёс, милая девушка.
А все-таки мне бы очень хотелось знать:
где ты бываешь и что ты делаешь.

* * *

Повторяла, как заклинание: иди, веди,
наполнялась удивлением исповеди,
впереди завет и завет позади.

Думала вижу зорко и далеко,
а в груди выкипело молоко,
на одно только и хватило облако.

Что в пространство смотреть, что так, в окно —
занавес, представленья отменено,
ангел мой, медбрат, сокол-мимино.

* * *

Мне тебя
не догнать,
тебе меня
не обнять,
не собрать
моего огня,
мне твой уголь
не ворошить,
искру не воскресить,
пошла на убыль
моя последняя треть,
ночь не осветить,
озябшую не согреть.

КАНАДСКИЕ ГУСИ

Ходят гуси, ходят важные,
что канадские послы...
Надоели слухи ваши мне
и мать-мачехина сыпь.
Отвоёвывай своё, весна,
приводи свою артель.
Ветер плещет утром у окна,
а не душу рвёт с петель.
В марте можно было маяться,
друг по другу тосковать,
ты упрям, и я — упрямица,
только слову наплевать,
вылетит, как будто дразнится,
не стрела, не воробей,
ведь ему какая разница —
мне или тебе больней.

* * *

Говоришь, за всё в ответе я,
дай ладонь прижать висок,
пунктуация бессмертия —
многоточий марш-бросок.
Нам с программы обязательной
сняли вечную весну,
просвистела по касательной,
бросив ландыши в казну;
колокольчиком идиллия
поманит и отзвенит,
а меня предупредили,
я
пячусь медленно в зенит.

СОН

Слышишь, не плачь, мы поженимся,
зря ты пугаешься всех глаголов,
если справились с умножением,
что делить, разреши мне голову
положить тебе на колени,
помолчим, как статуи в саду Боргезе,
под кронами — покровительницами поколений,
здесь твой замок, моя принцесса.
Хорошо, что всё вышло так, а не иначе,
перелетели бездну,
и никогда больше не встретим друг дружку,
зато мы поженимся,
я понял — ты плачешь
от счастья,
переверни подушку.

* * *

Лебедь села, а друг её кружится, кружит возле гнезда,
Белая цапля зашла в протоку по самое не могу.
Рассекая зелёные волны мая, движутся поезда
И, опаздывая по расписанию, длят строку.
Пригородный, междугородный — прильну к окну —
Поверни на меня закат, на вираже маслянистый раскинь залив,
Я прикрою глаза и покорно, покорно слезой замкну
Эту цепь, кто знает, в который раз её повторив.

* * *

С.Б.

Было недетским эхом,
смехом советским,
было той самой солодкой,
соломинкой ломкой,
льдиной, треснувшей под палаткой,
мёбиусом лыжни, началом лжи,
сестрой и братом,
острым, режущим краем,
было чистилищем, раем,
исповедью торопливой,
гжелью,
голубиной глумливой,
то — сном, то — целью,
медоносной пчелой и жалом,
бредом, золой, пожаром,
было городом вечным,
не первым встречным,
молочным,
лунным привкусом на губах,
было осенним лесом,
в косых лучах,
просекой сосновой, брусничной,
бестолковой синичьей
трескотнёй,
пограничной радугой.
Было мерой
всему,
войной и миром.
Стало живой струной
между тобой и мной.

* * *

О, панельно-блочный дом пятиэтажный, —
Отчий рай досрочный, или был ты башней
Из слоновой кости, где «Москву» на «Юность»
Нам меняли гости, где душа проснулась.
Провод удлинённый, тайн хранитель главный
Телефон надомный, хоть звони из ванной.
Газовой колонки гул стрекочет в ухе,
Или голос ломкий Галича на кухне.
В спальне — райским садом — гарнитур венгерский,
Там, со шкафом рядом, мой топчанчик детский.
Шкаф вальжанный, крепкий прятать не боялся
В обувной коробке «Роковые яйца».

* * *

Памяти Р. И. Матвеевой (Бунчика)

В детство, в Зеленогорск, на дачу, где обиды прощают быстро,
где забудут горе или под стеклянным «секретиком» закопают,
где бидонами носят воду с колонки, где канистры
из под керосина пахнут пирогами с черникой, где слепая
Елена Ивановна вяжет крючком авоськи в свой безвременный отпуск,
а сестры её — Серафима-злюка, и баба Рая-труженица, добрый ангел —
пасут двух девчонок: черняночку (Раиной мужней родни отпрыск)
и беляночку-внучку, которую одну на всех им Бог дал.
В Зеленогорск, на дачу, где даже споры «кому ангел роднее»
кончаются миром, компотом из лёдника, ожиданьем
приезда родителей, чаем за большим столом, портупеей
сына хозяйки, лейтенанта, на которого девочки глядят с обожаньем.
В детство впадаю, впереди нескончаемой полоской лета —
щавель, земляника; чьи-то руки небожно мажут коленки йодом,
и уже безразлично какая будет вечность та или эта,
воскресенья, встречи; на автобусной остановке полно народа.

* * *

Памяти А. П. Афанасьева

В приложении к энциклопедии Британника от 21-го года читаем, что Ленин был немецким шпионом, дойче марки давали ему на скупые расходы, купили билет в Финляндию, по вагонам, товарищи, по вагонам; папиросной бумаги, гибкий, в зелёной коже тысячестраничный том, если вглядываться, сняв очки:

видишь, как Ленин неуклюже лезет на броневик, а потом бронзовеют ноги, руки, зрачки...

Том пережил своего хозяина-профессора, соавтора учебника «Общая Физика», стоявшего у истока, зато профессор не пережил ареста коллег, и стресса, и стыда от подмены авторов в переиздании, умер до срока или вовремя, во время Пулковского дела.

Да мало ли, к сороковому году соседи уже отлично знали механику и терпеливо ждали выноса тела, и дождались: родственники профессора отпевали. Теперь в Британии его правнучатые племянники живут,

в Штатах, и во Франции, и в России покуда.

В книжном шкафу на Промышленной пылится Британника, Ленин — в мавзолее, а профессора все забудут.

ХИМИЧЕСКОЕ

На облаках, на облаке жила, укрыта ватую,
в метро беременный живот несла, толпа подхватывала,
выбрасывала под высокий свод дышать без робости,
стоять у Нарвских продувных ворот, ждать, ждать автобуса,
потом бежать, чтобы не опоздать, к родному «ящичку»,
магниту не давать простаивать сверхпроводящему.
В халате белом — кто у вытяжки курил, кто мыл пробирочки,
а то вполголоса начальство крыл — мальчики, девочки.
Никто жидовочкой не называл, цыганкой разве что,
и в день получки я была трезва — ценное качество,
шла в бухгалтерию, брала за всех зарплаты, премии,
этаж гудел, что твой ликёрный цех, забыв о времени,
а Нинка-стервочка, хоть и могла — ленилась попросту,
за все тринадцать лет не донесла, что я без допуска.

ЭЛИЗАБЕТ БИШОП**Рыба**

Я поймала огромную рыбу,
пришвартовала к лодке,
подцепила угол рта гарпуном,
так, чтобы половина её над водой торчала.
Она не боролась.
Она не пыталась бороться.
Она обвисла всей тушей,
измученная, древняя,
изуродованная. С боков,
словно старые обои,
свисали полоски кожи,
чей рисунок на тёмно-коричневом фоне
напоминал,
выцветшие от времени
обойные розы.
Вся облепленная рачками
в известняковых розетках,
зараженная морскими вошками,
а под брюхом два-три пучка
зелёных водорослей, как лохмотья.
Я смотрела на жабры,
дышащие губительным кислородом,
— страшные жабры,
с ещё не засохшей кровью,
живые, острые, готовые ранить.

Представляла плотную плоть,
пластинчатую, как оперение,
мелкие и большие кости,
драму красного и чёрного
в лоснящихся внутренностях,
розовый пузырь,
похожий на большой пеон.
Заглянула в её глаза,
которые были куда больше моих,
но плоские и желчные.
Радужки, будто высланные
потускневшей фольгой,
просвечивали сквозь желатин
изцарапанных линз.
Взгляд её чуть дрогнул,
но не в ответ мне,
скорее, как предмет,
тяготеющий к свету.
Меня восхитила угрюмость
этого взгляда, механика челюстей,
и вдруг я заметила,
что на нижней губе
— если бы это можно было назвать губой —
мокрой, зазубренной, острой,
висят пять обрывков лески,
вернее четыре, и стальной поводок с карабином,
все пять на больших крючках,
намертво вросших в кость.

Разлохмаченный конец
зелёной лески,
две другие лески — потолще,
и одна, чёрная, блестящая,
ещё вилась, так её натянула,
оборвав, уходящая рыба.
Крючки, как медали с ленточками,
треплющимися на ветру,
или пять волосков —
бородка мудрости —
свисали с ноющей челюсти.
Я всё смотрела, вглядывалась,
и победа переполняла,
взятую напрокат лодчонку,
поднимаясь от лужи на дне,
где бензин растянул радугу
вокруг ржавого движка,
до рыжего от ржавчины черпака,
до разохшихся на солнце банок,
до ключин в распатанных гнездах,
до планшира — пока всё
не стало радугой, радугой, радугой.
И я дала рыбе уйти.

ОБ АВТОРЕ

Марина Эскина родилась в Ленинграде.

Окончила физический факультет ЛГУ. Работала в области физики полимеров. После эмиграции — в библиотеке Гарвардского университета, редактором и корректором в издательствах.

Стихи и переводы публиковались в журналах «Звезда», «Нева», «Новый Журнал», «Слово-Word», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Этажи», «Poetry International» и др., в интернетных изданиях «45-я параллель», «Asymptote», в альманахах и антологиях.

Автор книг: «Край земли» (СПб., 1996), «Колючий свет» (СПб., 2002), «Странный Союзник» (Бостон, 2014) и книжки стихов для детей на английском языке «Explanation of a Firefly». Лауреат первого Санкт-Петербургского поэтического конкурса «Критерии Свободы» имени Иосифа Бродского (2014). С 1990 года живет в Бостоне, США.

СОДЕРЖАНИЕ

ДО ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

«Нам терпенья не занимать...»	5
«Кому от огня, кому от меча...»	6
«Повезло тебе, повезло...»	7
Самолётное	
«Я опять на твоей ладони...»	8
«Всё в самолёте о себе расскажешь...»	9
У залива	10
«Рассчитайся на первый-второй...»	11
«День распрямляет листьям складки...»	12
«Пахнет солнцем...»	13
До первой любви	14
«В голове мигрени бой набатный...»	15
«Так и пребуду собирателем крох...»	16
«Утро в сентябре холодное...»	17
Вариации на тему 62-го псалма	18

СОН РАЗУМА

Сон разума	21
Колыбельная	22
Из писем оттуда	
«Не чувствую, что старею...»	23
«Волна, волна...»	24
«Свет мой, зеркальце в ванной...»	25
«Днем и ночью тка, распускаю...»	26
«Жарковато сегодня для первого...»	27
Падчерица	28
«На мичуринской яблоне...»	29
«Нет, не может человек жить в раю...»	30
<i>Элизабет Бишоп. Спать на потолке.</i>	31

<i>Элизабет Бишоп. В дом прокралась луна...</i>	32
Трамвай «Желание»	33
«В наших спорах давно...»	34
Центон	35
«Годами не видеться...»	36

В ПОИСКАХ ПШЕНА ЗОЛОТОГО

«Дерево раскрывает...»	39
Пиза. Camposanto	40
Лукка	
1. Сентябрь	41
2. Июнь	42
3. Paria del Carretto	43
4. Облака	44
«Прикипела к маленькому городку...»	45
«Липовый цвет превратился ...»	46
«В Лукке осенний день ...»	47
«Никто не вернулся...»	48
«В паутине зимнего тумана...»	49
<i>Элизабет Бишоп. Лету снится</i>	50
«На той стороне улицы...»	52
«Прости мне пафос и молчанье,...»	53
Восьмистишия	
«Так ли ты любишь, как раньше...».	54
«Как черепаха, шею вытянув...»	54
«Расплачемся над молодой травой...».	55
«В придорожной траве всё цветёт...»	55
«Полетишь к нему навстречу...»	56

БЛАГОДАРЮ ЗА ПРИКОСНОВЕНИЕ

«Всё о смерти, о смерти...»	59
«Недолго tet-a-tet луны и солнца...»	60
Ночной дождь	61

<i>Элизабет Бишоп. Письмо в Нью-Йорк</i>	62
«Повторяла, как заклинание:...»	64
«Мне тебя не догнать,...»	65
Канадские гуси	66
«Говоришь, за все в ответе я...»	67
Сон	68
«Лебедь села, а друг её кружится...»	69
«Было недетским эхом...»	70
«О, панельно-блочный дом ...»	71
«В детство, в Зеленогорск, на дачу...»	72
«В приложении к энциклопедии...»	73
Химическое	74
<i>Элизабет Бишоп. Рыба</i>	75
На переводы из Элизабет Бишоп	78

Фото: А. Толицина

На мичуринской яблоне росла дичком,
на ливанском кедре — сосновой шишкой,
и лежать бы мне под деревом молчок-молчком,
да тянулся закон за корявым дышлом.

На три такта вдыхаю, выдыхаю — чуть,
не учу, не лечу, не пашу, не сею,
за скворцов и зябликов поручусь,
а сама и свистнуть-то не умею.

Но сильнее меня оказался зов,
соль призванья, подмигиванье удела,
под цветущей липой хватило слов
и душисто скамья прилипает к телу.

M-GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-940220-64-2

9 0000 >

9 781940 220642